

В который раз пришёл он сюда, когда спала деревня и всё живое на земле ещё не порхало, не ползало, не шевелилось. Теперь он был один не только здесь, но и на всей большой земле, ходил тенью, никому не нужный, измочаленный нелёгкой жизнью, позабытый людьми и временем.

Он стоял над холмиком, тронутым шелковицей, не окрепшей ещё травой, вспоминал недавно пережитое и всё никак не мог простить себе того, что произошло, что оставило на сердце горький осадок, уничтожило его, опрокинуло навзничь, заставило ходить с опущенной головой.

И с горечью думал, что никогда уже теперь ему не выправиться, не разогнуть спины, не начать всё сначала.

Каждую осень в один и тот же день приходил он сюда, на кладбище, и стоял в состоянии зыбкого небытия, в подсознании отмечая, что в этот день над высокими густыми елями всегда светило солнце.

Под угором торопилась река в низовье. Крепкие, но уже отжившие разноцветные листья кружили в воздухе. Удерживаясь ещё некоторое время на подхватившем их воздушном потоке, покачиваясь, как маленькие кораблики на волнах, описывали круг, а потом медленно, всеми силами сопротивляясь своему притяжению, в надежде продлить свою жизнь, цеплялись зубчатыми краями за ветки ели, скользили лоснящейся гладью по хвоинкам, обрывались и неохотно ложились на голову и плечи одиноко стоящего человека. Затем, обессиленные, падали на землю, густо закрывая могильный холмик, землю вокруг него.

Он находил на кладбище успокоение, давая себе обещание не забывать её, помучиться ещё на земле немного и прийти к ней навсегда. Особое состояние души руководило им здесь.

Скорбь и боль трогали его сердце, и ему было страшно думать о завтрашнем дне.

К концу дня резко усилился ветер. Вертолёт бросало из стороны в сторону, заваливало набок.

Инженер леспромхоза Андрей Васильевич Сизов словно влип в стекло. В иллюминатор были видны крутящиеся лопасти. Покачивался потемневший горизонт. Машина, прорывая сплошную завесу хмари, сопротивлялась порывам ветра,

усиленно урчала; казалось, силы её были на исходе, но мотор работал ровно, без перебоев.

Сизов внешне был спокоен, но душу подвёдал внутренний червячок. За последние дни он устал: измотала нелёгкая работа, раскалывалась голова.

Который день он кружил над приенисейской тайгой. Внизу, сквозь обрывки туч, он видел чашечки озёр, петли колодистых лесных рек, травянистые старицы, покоящиеся на груди остывающей земли.

Сизов, глянув на карту, без особого труда определил мелькающие реки: Сочур, Болотная, Серёжкина, Кас...

После долгих поисков он, наконец, нашёл нетронутые леса. Здесь же, в вертолёте, набросал на бумагу штрихи будущих лесосек, взвесил расчёты «за» и «против», мысленно расквартировал дремучую тайгу. Он уже чётко видел новые вахтовые посёлки, вертолётные площадки, волоки. Через квадраты на карте по диагонали карандашной линией пролегла лесовозная дорога.

Но на сердце было беспокойно. Примут ли предложение в леспромхозе? Или начнутся пустозвонные заседания, которые, кроме споров и вреда, ни к чему не приведут?

Он вспомнил, как на одном из заседаний из кабинета выскочил главный бухгалтер и, пошмыгивая утиным носиком, накинудся, не разобравшись: — Ты подумал, Сизов, такое предлагать? Это надо же до такого додуматься! Только одна заброска и вывозка людей на вахту в копеечку обойдётся. Ближе нельзя?

— Ближе сплошные кедрачи, — тихо ответил Сизов.

— Да и чёрт с ними, твоими кедрачами.

— Ты что?

— Разуй глаза... На карте ближе к Сочуру — смешанные леса. Верхнепашинская вахта близко, Усть-Кемцы в десяти километрах. Значит, дорожек меньше надо. Кто их будет зимой содержать? Ванька Ветров. О рентабельности надо думать, а не саблей размахивать.

— Руки бы оборвать, кто рисовал эти карты! — вспыхнул Сизов.

— Ишь ты! Умник выискался... — не отступал главбух. — Не глупей тебя там были.

Сизов, оберев тыльной стороной руки вспотевший лоб, ответил:

— Карты были сделаны много лет назад. Всё изменилось за эти годы.

— Конечно, всё течёт... Ну, попадёт под пилу одиночный кедршк. Трагедия теперь строить!

Директор леспромхоза Кузнецов молчал. Когда спор начал накаляться, он, отложив в сторону бумаги, заметил:

— Ну, хватит. К единому мнению надо приходиться. Из двух зол выбирать меньшее. Надо думать, как выживать в нынешних условиях.

— А я что говорю! — запальчиво воскликнул главбух, свирепо глянув на инженера. — Рыночные отношения, браток, не каждому по уму.

— Так что теперь... можно пластать всё подряд? — стоял на своём Сизов. — Много у нас кедрочек в районе осталось? Нашиковали, наруководили! А подрост? Трактору под гусеницы?

— Насчёт руководства, Сизов, ты бы поаккуратней, — вступил в разговор начальник отдела кадров Галкин, сидевший в углу кабинета, заискивающе поглядывая на директора. — Безработица и Енисейск не обошла стороной. Люди за место держатся.

— Вот как?! — удивился Сизов. — Заговор, что ли, против меня? Сегодня заявление подавать на увольнение или подождать немного?

— Как хочешь, — сдержанно ответил Галкин, возпросительно посмотрев на Кузнецова. — Никто тебя силком не держит.

— Ну зачем так сразу? — перебил его директор и пристально поглядел на Сизова. — По-моему, Андрей Васильевич свою задачу, как инженер, понимает. Не так ли? Я переговорю с директором лесхоза Железовским.

— Уж ящик-то водки всегда найдём для лесничих, — подсказал главбух.

— Купить хочешь? — резанул ему в упор Сизов.

— Купить не купить, но куда деваться? — развёл руками главбух. — Так уж испокон веков повелось: не подмажешь — не поедешь.

— А я вот что скажу вам, господа хорошие, — до щёлочек сузив глаза, нервно начал Сизов. — Во-первых, вы плохо знаете Железовского. Дмитрий Фёдорович прямой человек и на поводу у вас не пойдёт. Во-вторых, кедрочки губить я вам всё равно не дам. До президента дойду, если надо будет. А ты можешь деньги на водку побережь до лучших времён. Не из своего кармана легко швыряться.

— Да ты кто такой — грозить? Не да-а-ам... Ты знаешь, как нам с директором зарплата достаётся, чтобы тебе же вовремя дать? Инфляция, налоги непомерные, хоть вой. А мы всё же скрипим ещё, мало-помалу сводим концы с концами. Подумал об этом? То-то... — резко говорил главбух, постукивая пальчиками по столешнице. Правая щека его нервно дёргалась.

— Так, может, мне здесь финансами заняться вместо тебя, — иронично спросил Сизов, — если уж тебе непомерно трудно?

— Не паясничай, — остановил главбух. — Леса-а-а, кедрочки... Заладил как попугай. Чего они сейчас стоят, твои леса? Перевозка куба по железной дороге в два раза дороже, чем заготовка его. А если мы с вами будем брать этот куб у чёрта на куличках? Во что он обойдётся?

— Ну, так, — решительно сказал Кузнецов. — Сколько тебе времени надо, Андрей Васильевич, для обследования лесов? Чтобы резонно, со всеми выкладками, обстоятельно, грамотно?

— Пару дней, — не задумываясь, ответил Сизов. — Раскатал губу, — опять встрял в разговор главбух. — Каждый час вертолёт сегодня к полутора миллионов тянет. Раньше на лошадях не гнушались объезжать лесосеки. Пешком, в конечном счёте...

— Пешком вместе отправимся попозже, — разозлился вконец Сизов и пристально посмотрел на директора. — Два дня.

— День... — отрезал Кузнецов, поднимаясь со стула.

...Под вертолёт, стиснутая со всех сторон тайгой, как бочка обручем, проплыла деревенька. Серой и неприглядной просматривалась она сверху. Под горюю темнело большое плёсо. Низкие плотные тучи мешали разглядеть всё, что проплывало за вертолёт.

Положив на колени планшетку, он вынул карту района. Глянул на часы и снова посмотрел на карту. От деревни Разлог до аэропорта оставалось лёту около часа. Приближалась ночь. Сизов раздражённо подумал: «Не повезло с погодой — не даёт работать».

— Будем садиться, — прервал размышления Сизова командир.

Инженер неопределённо пожал плечами.

— В светлое время не уложились, — снова прокричал пилот.

— Вижу... — буркнул Сизов.

— В порту погоды нет. Облачность низкая. Ветер до двадцати метров обещают, — крикнул командир.

— Что делать? — встревожился Сизов.

Пилот, не услышав вопроса, оторвал руку от ларингофона и, обернувшись к инженеру, снова крикнул. Шум двигателя, свист винтов заглушали голос. Сизов возпросительно глянул на него. Командир показал вниз и качнул ручку управления.

Сизов понял: идём на посадку. Командир, наклонив голову к боковому стеклу, глазами стал искать подходящую площадку. Вертолёт, описав круг, завис над деревней. Внизу дома расположились по бокам двух небольших улочек, чернели землёй убранные огороды, чуть дальше змеёй извивалась Кеть. Она смиренно несла свои воды в низовье, в большую Обь. На другом берегу её табунились оголённые берёзовые колки, дальше просматривалась старая гарь.

Машину тряхнуло, точно телегу на большом ухабе, стремительно потянуло к земле. Приземлившись, вертолёт сотрясался ещё некоторое время от работы винтов, потом затих. Сизов открыл дверь и первым спрыгнул на землю.

Непогоде обещало быть затяжным: сверху давили тяжёлые тучи, сыростью тянуло с гнилого юго-западного угла. Резкий ветер рвал, швырял в лицо мокрые сгустки снега. Лес стонал, отчаянно сопротивляясь ветру, отбиваясь голыми ветками.

Сизов с наслаждением прошёлся по земле, пробуя ногами её твердь. Голова немного кружилась, в ушах стоял неумолкающий шум.

— Не жди нас, — сказал командир, глянув в сторону деревни, — подбери подходящую хату, пока мы закрепим машину. Ветер крепчает.

— Помочь?

— Иди, иди... Дел на пятнадцать минут. Лучше подыщи хату да прокочегарь печку.

— Хорошо, — согласился Сизов и, вскинув на плечо порожний рюкзак, шагнул в перелесок.

Сизов шагал споро и не заметил, как остался позади пихтовый перелесок, в который одним концом упиралась деревенская улица. По ней тянулся жидкий тротуарчик в три неширокие доски. Здесь уж ветру приволье: он метался из конца в конец улицы, глухо завывая.

Сизов не раз бывал в сибирских селениях, отдалённых от мира густой тайгой. Но странным показалось, что деревня совсем не подавала признаков жизни. Обычно, когда неожиданно сядил вертолёт, большая часть сельчан, в первую очередь ребяташек, сбегалась на площадку: то ли от любопытства, то ли из интереса посмотреть на городских, узнать новости.

Чем дальше Сизов углублялся в деревню, тем тревожнее становилось на сердце. Уж есть ли кто живой? Наконец в отдалении он увидел дымок. От покосившейся избы, стукнув цепью о деревянный настил, выскочил матёрый кобель. Сизов остановился, попятился к дороге и резко прыгнул с тротуара на обочину. Сапог утонул в жирном месиве, и ему ничего не оставалось делать, как развернуться и брести напрямик.

— Ты не с вертолёта?

Оглянувшись, Сизов увидел рядом низкорослого широкоплечего мужчину, одетого в старую телогрейку, охотничьи шальвары с широкой потнёй. Ему было лет тридцать. «Приодеть бы поопрятнее, снять кудлатую бороду, волосев на голове поубавить — стал бы приятной наружности», — мельком подумал инженер. И сразу же почувствовал в незнакомце защиту от напористой собаки.

Хмурый мужчина с силой ударил разъярённого пса в бок носком кирзового сапога. Кобель взвизгнул, поджал хвост и опроретью нырнул в подворотню.

— Земляк, где Дозморов живёт?

— Там, — махнул рукой мужик.

Сизов недоуменно посмотрел вслед: «Поддатый, видно».

Ветер расхотелся. На крыше дома громыхал оторванный лист железа. Большие хлопья снега металась по деревне. Они тонким и липким слоем покрывали землю, таяли на лице.

Сизов, накинув на голову капюшон, медленно шёл по тротуару.

На душе было тоскливо от ненастной погоды, от вынужденной посадки, от недовольства начальства и в конечном счёте — от личной неустроенности.

«Невезуха», — поморщился Сизов. Он подумал, что за эту посадку и незаконченную работу в конторе его обязательно доконают, всыплют по первое число. Главбуху на руку. Этот церемониться не станет.

В голове ещё шумело. Тело было будто в неведении, просило отдыха. Сизов снова глянул на небо, тяжело вздохнул: сколько придётся здесь сидеть? Бездействие для него хуже неволи. Но своей вины Сизов не чувствовал, и это успокаивало его. Так ведь беда: несогласованность администрации леспромхоза, ослиное упрямство главбуха, он будто специально тянул с перечислением денег авиапредприятию. Кого ещё винить?

По сути дела, теперь все поисковые работы закончены. Только бы побыстрее добраться до Енисейска и заняться отводом лесосек под рубку. Всё дело в погоде. Вон, оказывается, где причина кроется! Сизову сразу полегчало. Он обрадовался своей маленькой находке.

— Ты не с вертолёта?

Сизов от неожиданности вздрогнул. Рядом с ним стоял всё тот же мужик.

— Ну, с него, — ответил Сизов.

— Послушай...

— Ну...

— Когда летите?

Мужчина, пристроившись следом, шагал нога в ногу. Он, заглядывая Сизову в глаза, заискивающе бубнил:

— Погодишка-то, будь она проклята.

Слева потянулись полуразрушенные бывшие колхозные дворы. Громко заржал жеребёнок. С конца пригона ему ответила кобылица. Чуть поодаль таракет дизель, пуская в небо чёрные клубы.

— Свет гоняют! — удивился Сизов — Значит, живут.

— Каждый день по два часа для пекарни, понимашь ли, — пояснил мужчина.

— Не балуют вас.

— Соляра на исходе. На какие шиши покупать? Говорят, с населения по пятнадцать тысяч собирать будут.

— Что поделаешь, — вздохнул миролюбиво инженер. — Всем нелегко. Как-то надо выходить из положения. Телевизоры-то хоть есть?

— Накупили до перестройки ещё. Теперь в каждом углу немые памятники стоят.

— А газеты, почта?

— Раз в месяц привозят.

— Бедно живёте.

— Богаты у нас только пенсионеры — вовремя деньги получают. На хлеб хватат, понимаешь ли. А нашему брату, работяге, хошь воруй, — откровенничал мужчина.

— Магазин где у вас? Сигарет купить надо. Закончились...

— Нету... Одна икра кабачковая осталась.

— Да ну?!

— Недавно привезли десять мешков муки да полсамолёта спирта. Погудели маненько, понимаешь ли. Расправились с ним махом, — довольно рассмеялся мужчина, озорно сверкнув глазами.

Свернули к большому пятистенному дому, крытому шифером на четыре ската. Окна украшены резными наличниками, новые глухие ворота на листовых столбах, голубой палисадник. Из ограды несло запахом свежей стружки.

Под навесом, низко склонившись над верстаком, резко шаркал рубанком седой, как лунь, старик в белой рубахе, сутуловатый, узкий в плечах.

— Гости, дядя Захар, понимаешь ли, — представил мужчину, шмыгнув носом.

Дозморов медленно снял очки, тяжело расправил спину, отложил в сторону рубанок, подслеповато прищурил глаза.

Сизов поздоровался за руку, подал вчетверо сложенный лист бумаги:

— Стас передал...

Дозморов с любопытством посмотрел на инженера и, примостив очки на мясистом носу, стал медленно читать, шевеля губами.

— Давно у сына были?

— На днях заезжал. Если случится, велел вам кланяться. Я и не думал, что так быстро придётся.

— Что ж... Соловья баснями не кормят. Ты чего, Степан, стоишь? Веди гостя в дом. Я пока тут в ямку загляну.

За столом сидели непринуждённо. В избе вкусно пахло жареной картошкой, луком, свежей рыбой. Командир вертолёта, высокий горбоносый Аркадий, развалился на диване. Тряхнув смолистой шевелюрой, от медовухи отказался. Освоился быстро. Из глиняной крынки, чудом сохранившейся со старых времён, наливал третью кружку молока. Борتمеханик Володя, пригубив немного, с аппетитом уплетал карасей, жаренных в сметане.

Сизов, опрокинув стаканчик, расслабился. Славно вот так сидеть в тепле с кружкой медовухи, с хорошей компанией, ни о чём не думать. Пускай в стены колотится ветер, сыплет на землю мокрый снег. Жизнь с её чёрными полосами оставалась далеко позади. Сизов думал так, и у него тепло на сердце. На щеках выступил здоровый румянец,

от головы к ногам медленно опускалась приятная томная благодать.

Степан, осушив кружку тремя большими глотками, вытер губы рукавом цветастой рубахи.

— Меньше хлебай, — предупредил Дозморов. — Подливай лучше гостям.

— С меня хватит, — отказался инженер, отодвинув кружку на край стола, и в первый раз за последние дни рассмеялся. — А то говорят, что сладкая медовуха к заду липнет — не оторвёшь его потом от стула.

— Значит, недалеко от нас лес валить будете? — спросил Дозморов.

— Близко...

— Мы покорим тайгу, — бухнул захмелевший Степан, стукнув кулаком по столешнице.

— Покоритель! — кольнул его глазами старик и впросительно глянул на инженера: — Дорога будет? — Без неё не обойтись, — согласился инженер.

— Нам полегче станет. С горючкой беда для станции, да и не только. Живём в лесу, молимся колесу. — Я, собственно, вот по какому делу, — посерьёзней Сизов. — Стас говорил, что вы лесником работали, места эти хорошо знаете. Не было бы счастья, да несчастье помогло...

Старик, выпрямив сгорбленную спину, внимательно посмотрел на Сизова.

— Облетели вот мы с ребятами лесные массивы, — продолжал Сизов. — На глаз прикинул запас древесины, думаю, её хватит леспромхозу этак лет на пятнадцать, а то и боле. Знаете Барсучью падь? — Как не знать! Не раз там шишковать приходилось. Зимовья у меня рядом. Моими угожьями числятся. Неужели смахнут кедрачи? — печально покачал головой старик.

— Захар Моисеевич, надо срочно обойти или объехать леса, что задумали рубить, спелость их определить. Но главное заключается в том, чтобы стороной обойти Барсучью падь, не потревожить кедрачи. Начальство пугает содержание дорог. Нам надо наметить основную из них, как говорится, пойти по пути наименьшего зла. Позже узаконить в леспромхозе всё это. Понимаете?

— Та же мучка, да другие ручки, — немного повеселел старик.

— Без опытного проводника не обойтись, — признался инженер, хитро прищурившись.

Он поправил разметавшиеся тёмные волосы с ранней проседью, улыбнулся глазами.

— Чую, куда узу забрасываешь. Не клону... — немного помедлив, Дозморов добавил: — Отпрыгал я своё. Спина не сдюжит, да и ноги по ровной дороге уже спотыкаются.

— Жалко, — вздохнул инженер.

— Найдём проводника дюжего, — успокоил Дозморов. — Степан вон не выболелся. Всё равно по деревне шевяки пинает, лагуны с брагой вынюхивает. — Лады... — согласился Сизов.

В трубе свистел ветер. Он перебирал за окном провода—они звенели, как струны гитары. Покрипывали на шарнирах ставни. Сумерки подкрадывались к горенке. В печке, сделанной из толстого железа, задронно играл огонь, искрами отплёвывались смолистые дрова. Живые угольки, как стрижи из приярья, вылетали из круглых отверстий, просверленных в дверке, падали на железный лист, прибитый у топки.

В избе тепло и уютно. Сизов, поглядывая на огонь, думал, что вот так же бушует его жизнь: в работе, заботах, полётах... Для чего он себя истязает? Не лучше ли завернуть в тихую заводь, раствориться, затеряться, чтобы ни от кого не зависеть, ни перед кем не кланяться? Но сердцем понимал: нельзя оставлять начатое дело по охране лесов.

Никогда леспромхозы этим не занимались. Им до лампочки, что останется после них. Настаивал: в старых лесосеках надо должным образом заняться восстановительными работами. Кроме директора лесхоза Железовского, никто не поддерживает. В леспромхозе недовольно отмахиваются. Но, как бы то ни было, перед свиньями не буду метать бисер, твёрдо решил Сизов.

Степан заметно хмелел. Разгладив большой ладонью бороду, коснулся рукой плеча инженера. — Эх, жись-житуха, понимаешь ли! С какой стороны ни крути, всюду худо. А, анжинер?

— Дай с человеком поговорить,—резко оборвал его старик.—Одно у тебя на уме...

— Не троньте его, Захар Моисеевич. Пусть выговорится, легче станет,—улыбнулся Сизов, глотнув из кружки.

Старик вышел на кухню, стал зажигать керосиновую лампу. Аркадий, уронив голову на спинку дивана, дремал, Володя, придвинувшись к окну, листал охотничий журнал. Мутный свет с улицы слабо пробивался в окно.

Вечерело.

Степан, заручившись вниманием гостя, продолжал:

— Вот говорю я: вещует сердце Как барометр чувствует погоду, так и оно—завтрашний день. Всё подскажет. Ждал я гостей, понимаешь ли. Да-а-а. Последнее время поджидал кого-то. Будто они помотут мне начать всё сызнова, понимаешь ли. — Откуда гостя-то?

— Не знаю... Ждал, и всё. И дурак, что не веришь. Сердце, оно, понимаешь ли, всё чувствует. Да-а-а... Горе у тебя будет, радость ли—всё подскажет. Не может быть? Может, анжинер, может. Бывало, из дома носа не высунешь. Непогодье другой раз почище этого. С бабой токо и балуешься... Хи-хи-хи... Правда, Зойка у меня лягливая, брыкатся, как молодая. Ни с задку к ней, ни с передку. Такая, понимаешь ли, баба на свет уродилась. Дух захватывает другой раз. Но я ж с понятием мужик. Любовь ей

подавай. Да что тако любовь? Скажи, ты же грамотный. Так я про сердце... Ноет оно порой и ноет, как при ревматизме, понимаешь ли. В тайгу зовёт... — Испытал?

— Как же!.. День мучусь, другой, а оно рвётся в клочья, кровью обливается. Да-а-а... Турнёт баба в тайгу чуть свет. Глядишь, к вечеру соболишку принёс, а то и другого. Кто фарт подsunул, скажи? Не верь вот после этого.

Дозморов поставил лампу на середину стола. Она слабо уронила тусклый свет вокруг себя и чуть дальше высветила избу. Старик сел на своё место. Его раздражала пустая болтовня Степана. — Не знаю, что с народом у нас в деревне случилось. Будто мертвечиной понесло. Каждый в свой угол норовит забиться. Раньше концертишки мало-мальски сколачивали, в гости друг к другу ходили. Теперь двери клуба досками забиты, про кино забыли, школу прикрывают. Дожили. Уколы людям Мотья-уборщица ставит.

— Никто не помер,—вставил Степан.

Его руки не находили места. Он залпом выпростал пару кружек медовухи, опершись руками о столешницу, пытаюсь подняться.

— Не померли, так помрут, не дай Бог,—вспылил Дозморов.— Наш доктор Мотья всадит конскую иглу в заднее место, а выгаскивать мужика кличет. По санзаданию врачи прилетают, когда уж шибко приспичит. Коммерсанты вот сопливые объявились, возят спиртишко. Вот и Стёпка, образина непутёвая, рад нализаться лишний раз.

— Тебе, чё ль, на лапу наступил?—огрызнулся Степан

— Разговор не о тебе. Живица не нужна стала—закрыли участок. Про людей забыли. Промышляет каждый, кто как может. Одни в тайге в закрытые сроки постреливают, другие—рыбёшку мелкой ячеей черпают, третьи—ягоду ещё зелёную берут. Во как! А ещё пьют. На что, спрашивается?

— Не на твоё же,—снова недовольно буркнул Степан.

— Помолчи... Неделями не просыхаешь. В верхах-то о чём думают?

— О себе пекутся. Депутаты считают, что песня «Раньше думай о Родине, а потом о себе» устарела...

— Зойка в город собралась,—перебил Сизова Степан.—Хошь на себе ташши, понимаешь ли. Пристала, как репей. Возьмёте?—вдруг упавшим голосом попросил Степан.

— Верно. Не на чем выехать. Старуха моя после покоса укатила к внучатам. Не знаю, как добывать её домой стану. Не откажите Степану. Он правду говорит, в город Зойке надо,—попросил Дозморов. — Пара соболишек с меня.

— Сиди ты со своими соболишками,—вспыхнул Сизов и отвернулся к окну.

На улице расходилась ночь. Отчаянно хлестали по стеклу ветки берёзы.

Дозморов поднялся, пошёл к рукомойнику, взял ведро с помоями, стукнул дверью.

«И у него Зоя...» — пронеслось у Сизова в голове.

Далёкое и дорогое придвинулось, очутилось рядом. Сердце тронула грусть, налетела, сжала до боли. Будто вчера была весна, хмельная, душистая, с мохнатой вербой, душистой черёмухой.

Чистые, ясные глаза Зои. Будто вчера это было. Раздольно разлилась Кеть. Вон и школа покосившаяся стоит ещё, убегают улочки кривые под угор. Зоя...

Ему стало душно. В горле пересохло, хмеля как не бывало.

Медленно поднялся, вышел на улицу. Хмурый предзимний день угас. Над деревней густо кружил снег.

Сизов на ощупь вынул из кармана сигарету, закурил. Привалившись плечом к палисаднику, поглядывая на пушистый снег, нервно глотал едкий дым, глубоко, взвтяжку. Вспомнилось, с каким трудом ему пришлось выбивать вертолёт. Хотя и сто́ит он больших денег, но подкатила нелёгкая пора лесных пожаров: горел Сым, горела тайга в районе Назимово. Краевой администрацией Енисейский район был зачислен в число чрезвычайных. Местный аэропорт еле сводил концы с концами. До этого лётчики мучились от безделья в ожидании работы. Мало стало заказчиков на дорогое удовольствие. Безденежье, как холера, расплзлась по енисейским предприятиям. Прошла летняя горячка, кончились дотации из бюджета на «чрезвычайку», и теперь не на что купить керосина. Разгул, развал, произвол царят повсюду.

Сизов живо представил тучного седовласого начальника отдела перевозок авиапредприятия. Он машет короткими руками: «Нет, нет, милейший... Лучше не проси сегодня. Не мешай работать». И Кузнецов, директор леспромхоза, рядом. Его напутственные слова запали в душу: «За каждый час бестолковой работы или простоя вертолёта буду строго наказывать, привлекать к ответственности».

Что он подразумевал под «толковой» работой? Простой машины — другое дело. Как можно называть работу по исследованию лесных массивов «толковой» или «бестолковой»? Время рассудит, расставит всё на свои места: найдены ли подходящие леса, или все усилия потрачены попусту.

Вот строятся на площадках штабеля высоко-сортного экспортного леса, отыщется надёжный потребитель, появятся на счёте леспромхоза в банке деньги, чтобы дальше крутиться без долгов, вот тогда можно с облегчением вздохнуть и ответить про себя: поработал «толково».

Сизова приводило в беспокойство и то, что каждый раз ему приходилось доказывать начальству прописные истины: весь сложный технологический процесс работы леспромхоза начинается

с поисков, утверждения их в жизнь. Конечно, любое дело не обходится без ошибок.

Теперь проблема поиска для Сизова стала главной, но в ней тоже есть свои заковыки: надо подобрать леса спелые или перестойные, чтобы сохранить молодые. При всей сложности дел, при, казалось бы, неразрешимой ситуации ни в коей мере нельзя трогать кедрачи.

Ветер разгулялся, и снег сплошной стеной стоял перед глазами у Сизова Кто-то будто позвал его раз, другой, тихо так, знакомо. Сизов нервно бросил недокуренную сигарету, подумал: нервы. Сколько можно рвать сердце попусту? Здесь, в деревне, да ещё в такую погоду, проблем производственных ему не решить однозначно. Зоя? Зоя далеко где-то, наверное, и забыла про него вовсе. А может, помнит, что был вот такой Андрюшка, бойкий деревенский паренёк, предводитель ватаги ребячьей. Успокойся, Сизов, приди в себя и занимайся своим главным делом, упрекнул он себя. — Андрюша...

Голос позвал снова. Её это голос, разве его забудешь!

Сизов сжал руками виски, потрянул головой, желая освободиться от наваждения. «Верно говорят знающие люди, что после медовухи голова и ноги чужими делаются. Слуховые галлюцинации начались», — горько улыбнулся он своим мыслям и повернулся вполоборота к воротам. — Не узнал?

Пламя охватило щёки, тело прошила острая искра, саданула в голову и ноги, больно, точно шилом, воткнулась в сердце.

Завернувшись в полушалок, у другого конца палисада стояла Зоя. Но даже в сумерках Сизов смог разглядеть её бледное лицо.

— Что за наваждение! — потрянул головой Сизов.

Он снял и протёр очки. А когда надел их, то снова увидел тёмное, неясное лицо.

Отвернувшись, снова достал сигарету и, прикуривая, подумал: кто-то злую шутку собирает с ним сыграть. Ходит же легенда в народе, что в такой ветер черти свадьбу правят. Могут утащить за собой или ещё хуже — в петлю сунут.

— Дура. Ой дура! В окно тебя увидела, — шептала Зоя и вдруг отвернулась и пошла от палисада.

— Погоди, Зоя! — вдруг спохватился Сизов, входя в себя. Он схватил её за плечи. — Зоя, ты?!

— Прости меня, — слабо пыталась она освободиться от цепких рук Сизова. — Не смогла... в окно увидела.

— Постой же... Зоя!

— Муж сейчас выйдет! Пусти, пойду я.

— Какой муж? — удивился Сизов, не понимая.

— Законный... — выдохнула Зоя и канула в ночь.

За спиной Сизова скрипнула дверь. Затем громко стукнули калитка. Покачиваясь, из ограды вывалился Степан. Сизова охватило отчаяние.

Опустив руки, стоял он в растерянности, не зная, что делать. «Муж, муж...» — кружилось в голове. — Ну чё пялишься, анжинер? Не узнал?

Степан едва стоял на ногах. Его качало из стороны в сторону, как скрипучий кедр в ветряную погоду. Вот его невидимой силой потянуло от ворот, и он, сильно наклонившись вперёд, распостёрши руки, вылетел на Сизова. Тот не удержался, и оба упали на скамью. Она треснула, закачалась. Сизов, ткнувшись о щетинистый подбородок пьяного, повалился на землю, но быстро вскочил на ноги. Степан на четвереньках штурмовал головой неподатливый палисад, шаркал о снег осклизшими подошвами сапог. Затем, цепко ухватившись руками за штакетник, попытался подняться, но снова ничком ткнулся в снег, в кровь разбив губы и нос.

Наконец Степан с трудом приподнялся и, навалившись спиной на штакетник, глухо выдавил потолстевшим языком:

— Ишшо по одной, друг, за знакомство...

— Мотай домой, — нервно ответил Сизов, обдумываемая создавшееся положение.

Степан, ухватившись за рукав энцефалитки, потянул его к себе.

— Пойдём, а?

— Будет... Твоими бы руками молотом в кузне, а ты за кружку, — упрекнул Сизов. — Топаи давай. — Ко мне пошли. Утошшаю, — корячился Степан, широко расставив ноги.

— Ну навязался... Давай отведу. Куда тебе?

— На-а-а-а-а-а-а-а-а-а, — еле выдавил Степан, безвольно упав на лавку.

Сизов, закинув руки пьяного себе на плечи, приподняв его, медленно повёл через дорогу.

Шарахаясь, прошли тёмные сени с прогибающимися полами, одолели порог, ввалились в дом.

Небольшой квадратный столик в углу. На нём чадит фитилём лампа. Прибранная горенка с тёмными углами, аккуратенькая кухонька — два шага вперёд и в сторону, слева спаленка, беленькая такая, прибранная, у порога другая койка, поскромнее.

На шум из спаленки вышла женщина и, зажав рот рукой, чтобы не вскрикнуть, растерянно стояла посреди избы, бледная, с широко раскрытыми глазами. Зоя!.. Сизова враз обдало жаром от мыслы, что Зоя — жена Степана. Всё спуталось в его голове, дрожь в руках и во всём теле не унималась.

Степан посмотрел на жену, виновато скривился (опять, мол...), качнулся и, не раздеваясь, в сапогах, ничком рухнул на кровать у порога.

Зоя так и застыла посреди избы в цветастом лёгком халатике.

Сизов рванул застёжку энцефалитки — было душно, не хватало воздуха. И, не сказав ни слова, вышел на крыльцо.

Ледяным ветром обдало лицо. Стало полегче. На небе мельтешила луна. Рваные тучи то

закрывали её, то выбрасывали из глубины, и она слабо освещала землю.

Удзиморовских ворот Зоя догнала Сизова, снова невидимкой выпорхнула из темноты, очутилась рядом.

Сизов не осознавал, что делал. Он молча притянул Зою к себе и стал целовать. Потом заговорил быстро, бессвязно, не подбирая слов. Его горячность передалась Зое, и она вся потянулась к нему, не сопротивляясь его порывам. Сердце гулко колотилось, готовое вырваться наружу, улететь.

Зоя не помнила, как они очутились на краю деревни. Только настораживающий писк мышей в стогу, которых она боялась с детства, леденящий осенний ветер на склоне угора разбудили её. Внизу, под горою, хлестались о берег волны. Они бились о приренье, брызгами разлетались по сторонам. Неумолкаемый шум переката доносился из-за поворота реки. В заводи вскрикнула потревоженная — наверное, последняя в этом году, — стая уток-чернетей.

Как сквозь сон она слышала ласковые завораживающие слова, которые плохо доходили до её сознания, но задевали тепло, задерживались внутри, всё больше расслабляя тело. Прикосновение крепких рук заставляло трепетать её как от сильного озноба.

Зоя не хотела ни о чём думать: где она, что с нею. А может, совсем не она здесь, на берегу, где хлещет в пологую стену стога ветер, беспрестанно идёт снег. И всё сыплет и сыплет сверху, будто стараясь спрятать их двоих от постороннего завистливого глаза.

Нежные прикосновения губ Андрея волновали её, тёплая волна поднялась по её ногам, подошла к сердцу, и комок, подкатившись к горлу, стал душить. Зоя с приглушённым стоном откинулась, едва шевеля губами:

— Андрюша, Андрюша...

Ещё некоторое время Зоя лежала в сладком забытии, устало прикрыв глаза. Расслабляющая истома охватила всё тело, не хватало сил пошевелиться. Какое-то неясное желание пробуждалось в ней, чего она не испытывала совсем и не знала за годы супружеской жизни со Степаном. Только бережное прикосновение рук Андрея и тихий его голос привели её в себя. Она вздрогнула, пытаясь прогнать оцепенение, и, очнувшись, села рядом на тёплое, нагретое ими сено, глядя на него сквозь выступившие на глазах слёзы. Готовая вспорхнуть от счастья, она прижалась к нему, засмеялась тихо, почти беззвучно. И снова томно и радостно стало ей.

— Искал я тебя, Зоюшка. Столько лет искал, — торопливо начал он, снова притягивая её к себе. — Не судьба, видно...

— Потерялись мы после школы, ты же поступать поехала. В армию не написала. Почему?

— Не знаю, жизнь закурила. Да и обидел ты тогда меня своим недоверием. Ну что теперь, некого судить, — вздохнула она.

— Как здесь оказалась?

— После педучилища, по распределению. Тут вот и к Степану приклонилась. Сам знаешь — безродная я. Устала одна. После спохватилась, что натворила, да поздно. Куда убежишь? Обвыклась... Кукую теперь одинокой кукушкой при живом муже.

Зоя примолкла. Потом заговорила снова:

— Тебя всё ждала. Мечтала: приедешь — увезёшь... Встретила вот — голову потеряла.

— Приедешь — увезёшь, — вспыхнул Сизов и почувствовал, что получилось грубовато. — Летим со мной, Зоя?

Сказал — и обрадовался, и сам не поверил, как просто всё получилось.

— Поздно, Андрюша... поздно, милый.

Но он вдруг поверил в себя, в свои непомерные силы. Ему стало легко и хорошо. Но только шевельнулась мысль, что она может не согласиться. Он запальчиво стал говорить, старался убедить больше себя, чем её:

— Что было, то кануло. К чёртовой матери всё. Мы должны быть вместе, понимаешь? Вместе. Видишь, нас сама судьба сводит. Разве я думал, что нелётная погода и вынужденная посадка так помогут мне? Не смогу я больше без тебя, Зоя. Ты мне нужна. Я люблю тебя, Зоюшка. Всю жизнь люблю.

Сколько нежности, страсти было в его словах. Сизов и сам не подозревал, что способен на это.

Зоя обхватила его руками за шею, повалила на сено, стала целовать жадно, ненасытно. Её длинные волосы рассыпались, касались его щёк, щекали шею. Затем она откинулась от него и, привалившись спиной к отвесной стене стога, засмеялась беззаботно, как в юности:

— Целоваться так и не научился...

Сизов потрогал в кармане раздавленные очки, смутился, покраснел:

— Я же говорю — тебя ждал.

...Светлело небо, отбеливался горизонт. На краю угора стали смутно проступать одинокие деревья. Холодом несло из низины. В травянистой курье всплеснула воду щука, гонявшая мелюзгу. В конце улицы залаяла собака, стукнули ворота. Но начинающаяся с рассветом жизнь в деревне и на реке совершенно не касалась их двоих. И то, что происходило здесь, на угоре, случилось вовсе не с ними. Это был сон. Обыкновенный короткий сон людей, уставших от жизни, которые всеми силами хоть ненадолго хотят продлить его.

Раздваивая успокоившуюся за ночь воду, под угором в верховья реки промчалась моторная лодка. Зоя будто очнулась, к ней возвращалась реальность.

— Вот и всё, — грустно сказала она.

— Деревня просыпается, — вздохнул Сизов. — Иди... Собирайся. Я ждать буду тебя.

Зоя кивнула головой, отряхнула с платья сено.

— Погибнет Стёпа. Он только мной и живёт. Давно бы уж под забором замёрз.

— Любит?

— Наверно...

— А ты?

Опустив голову, Зоя тихо сказала:

— Какая любовь, Андрюша? Разве была бы я здесь?

Сизов запальчиво заговорил:

— Я скажу ему обо всём. Должен понять. Не поймёт — всё равно увезу тебя.

— Не горячись... Не надо, — тихо попросила Зоя. — Пусть пока останется всё как было. Там видно будет... Нужна буду — позовёшь...

— Зоюшка...

Сизов обнял её за талию, притянул к себе. Она робко отстранилась и, низко опустив голову, медленно пошла в сторону деревни, не таясь, не прячась.

Сизов ринулся было за ней, остановился. Посмотрел на присмирившую реку, на тёмную грядку леса за ней, на высветленное небо. Светлая полоска показалась на востоке. Она ширилась, росла. Восход копил силу. В мохнатых лапах осанистой пихты последние минуты доживал ветер.

Сизов с тревогой поглядывал в сторону деревни, заложив руки за спину, ходил вокруг вертолёт. Аркадий, нахмурившись, склонился над картой, водил по ней карандашом. Володя, позёвывая, сучал в машине. От вчерашней непогоды не осталось и следа. Над лесом поднималось солнце. Будто алмазами сверкала по всему простору заснеженная даль. В колках перекликались оставшиеся зимовать пичуги.

Мысленно Сизов вновь и вновь возвращался к Зое. И терпеливо ждал, надеясь, что она придёт, потому что он сильно этого хотел. Он как бы слышал её голос, трогал каштановые волосы, нежно брал за талию, тонкую, как у берёзки. И сама она пахла лесной земляникой, ароматной, душистой.

Сердце дрогнуло, когда он увидел тень в перелеске. Рванулся было с места, но вдруг как вкопанный остановился. К вертолёту медленно, вразвалку, шёл Степан, шёл тяжело, набычившись.

И напрямик к Сизову. Со свистом набрав полные лёгкие воздуха, с силой вытолкнул его обратно:

— Чё ждёшь? Лети...

Сизов понял сразу: там, в деревне, что-то произошло. Лицо у Степана припухшее, на щеках и на шее не то чтобы царапины, а чуть видимые розовые полоски.

Он больно прикусил губу, растерялся. Зои не было. Бежать ли в деревню, ждать ли её здесь?

— Ну что, летим? — нетерпеливо крикнул командир, включая двигатель.

Лопаста вертолётки дрогнули, медленно пошли по кругу, а через минуту уже стали хлестко рубить воздух.

— Чё ждёшь? Не придёт она, — прохрипел Степан, наклонившись вперёд от сильного потока воздуха.

— А ты за нас не решай, — разозлился Сизов, придерживая рукой кепку, сделав шаг вперёд.

Степан замешкался, но, найдя силы, стукнул пудовым кулаком себя в грудь:

— Вот здесь горит. Добром прошу... Улетай.

— Без неё не полечу, — твёрдо ответил Сизов, в упор посмотрев на Степана подслеповатыми глазами.

Степан сорвался. Дохнув инженеру перегаром в лицо, крикнул:

— Сволочь ты... споил меня, а сам к бабе.

— Не понять тебе, иди проспись.

Степан взмахнул огромными руками, с силой потёр ладонь о ладонь, прошипел:

— Сотру... обоих. Тебя и шлюху.

Кровь шибанула в голову. Сизов ухватил Степана за ворот телогрейки:

— Где она?

Уверенность и настойчивость инженера на короткое время остановили пыл Степана. Он, приоткрыв рот, отвесил разбитые толстые губы.

— Я сам хотел объясниться с тобой, — почти шёпотом начал Сизов, приходя в себя. — Любовь у нас со школы ещё. Где тебе знать, что это такое?!

— Значит, не впервой ты с ней, — затрясло Степана. Он дёрнул большой головой, глаза налились злобой: — Убью!..

И пошёл на Сизова.

Они не слышали, как перестал работать вертолёт, очнулись лишь тогда, когда пилоты растащили их, окровавленных, по сторонам.

Энцефалитка Сизова лопнула по швам, застёжка болталась на груди, еле удерживаясь на одной нитке.

Степан вытирал рукавом разорванной рубахи разбитые губы, ненавидящими глазами смотрел

на инженера. Рядом лежала втопанная в грязь фуфайка.

— Пришибить тебя мало, сам жизни за водкой не видишь и другим не даёшь, — сквозь зубы процедил Сизов.

— Не твоё дело. Улетай от беды подальше.

— Сказал же: без Зои не полечу.

Откуда у Степана и взялась такая прыть? Одним прыжком оказавшись рядом с Сизовым, он так хлестко огрел того кулаком в лицо, что инженер, нелепо взмахнув руками, упал. Обессилев от крепкого удара, от пережитого нервного потрясения, он полулежал на земле, отплываваясь, вытирая разбитый нос. Потом приподнялся на четвереньки, выпрямился и двинулся на Степана.

Прямо над головой снова взлетел кулак-кувалда, и одновременно резанул уши женский крик:

— Степа-а-ан!

Отчаянный вскрик заставил оглянуться всех. К вертолёту бежала Зоя. В шляпке, в синем полупальто, маленьких игрушечных сапожках с высокой голяшкой, с небольшим чемоданом в руке.

Глаза Степана, казалось, вылезут из орбит, наливаясь кровью. Широкие плечи стали ещё шире. Он до скрежета стиснул зубы... Потом никто из стоящих рядом не смог объяснить, как всё произошло. Степан сделал шаг вперёд, наклонился, будто споткнувшись, нырнул рукой в голенище сапога, резко выпрямился.

Зоя не вскрикнула, не ойкнула. Ноги её подкосились, и она медленно опустилась на сырую землю. Шляпка откатилась к вертолёту, длинные волосы, растрепавшись, прикрыли бледное лицо.

Сразу крови не было. Лишь немного позже распознала она тёмным пятном по приотпанной земле.

Большой охотничий нож с широким лезвием валялся рядом.

...Слабое солнце с трудом поднялось над макушками заречной тайги и там спряталось в тяжёлых рваных тучах. На деревню, на поляну, на вертолёт, на непокрытые опущенные головы людей, на лежащую на земле женщину всё сыпал и сыпал снег, густой, непроглядный...